Сов. Россия. — 1996. — 6 февр.

Помолись о нищей,
о потерянной,
О моей живой душе,
Ты, в своих путях
всегда уверенный,
Свет узревший в шалаше.

И тебе, печально-благодарная,
Я за это расскажу потом,
Как меня томила ночь угарная,
Как дышало утро льдом.

В этой жизни
я немного видела,
Только пела и ждала.
Знаю: брата я не ненавидела
И сестры не предала.

Отчего же Бог меня наказывал
Каждый день и каждый час?
Или это Ангел мне указывал
Свет, невидимый для нас?

(Анна Ахматова).

Унесенная ветром

ВГЛЯДЫВАЯСЬ в любой портрет Анны Андреевны Ахматовой — последней представительницы "серебряного века" Русской поэзии, чье творчество восходит к 10-м годам XX столетия и завершается в 60-х,— невольно ловишь себя на мысли: почти на всех полотнах изображена... колдунья с бледным и усталым лицом ворожеи, всю ночь собиравшей "приворотные" травы для напитка любви, делающего мужчину неотразимым, а женщину необыкновенно пленительной, вроде легендарной египетской царицы Клеопатры, ради которой многие мужчины готовы были пожертвовать жизнью.

Усиливают фантасмагоричность портретов Ахматовой всегда присущие ей "атрибуты": платье из черного шелка или "гробного" бархата, печальные и одновременно какие-то пронизывающие глаза чаровницы, свечи, оттеняющие царящий на портретах полумрак, неизменные бусы или крупные четки, которые Анна Андреевна нервно перебирает в руках... Как будто произносит молитву или заклинание!

На ранних портретах она предстает нам молодой колдуньей, веселой и томно-грустной, задумчивой и лукавой; постепенно годы неумолимо уносят белые лепестки благоухающего вербеной и флердоранжем венчального букета, трасформируя юную гетевскую Маргариту в "роковую" придворную даму из пьес Шварца, способную в мгновение ока оборотиться... черной кошкой или задумчивой Русалкой, взлететь ввысь грустящей Чайкой, чей плач порой раздается над песчаными дюнами Комарово, где покоится прах знаменитой поэтессы. Последние портреты Ахматовой принадлежат скорее Графине из "Пиковой дамы" А. С. Пушкина, но не той, что предстала Германну, а той, что была спутницей великого Калиостро, графа Сен-Жермена...

ЖИЗНЬ Анны Андреевны Горенко (Ахматовой), родившейся в 1889 году в Одессе, в семье офицера русского военного флота, много времени проведшей в Петербурге, Царском Селе, бежецком имении одного из ее мужей — Николая Степановича Гумилева — деревне Слепнево и скончавшейся 5 марта 1966 года под Москвой (в Домодедове), была достаточно трудной и сложной. Она познала радость признания, горечь потерь, трагедию несправедливой опалы, тихую грусть обретенного в конце нелегкого жизненного пути покоя...

Судьба же ее близких — тех, кого она любила или была неравнодушна,— вообще пугает своей трагичностью!

Недаром сама Анна Андреевна "признается" в одном из своих стихотворений: *"Я гибель накликала милым, и гибли один за другим. О, горе мне! Эти могилы предсказаны словом моим. Как вороны кружатся, чуя горячую свежую кровь, так дикие песни, ликуя, моя насылала любовь. С тобою мне сладко и знойно, ты близок, как сердце в груди. Дай руки мне, слушай спокойно. Тебя заклинаю: уйди. И пусть не узнаю я, где ты. О Муза, его не зови, да будет живым, невоспетым, моей не узнавший любви"*. Написано это стихотворение осенью 1921 года. В августе погиб Н. С. Гумилев — ее первый муж, великолепный русский поэт. Разумеется, Анна Андреевна не могла не переживать эту утрату: Гумилев занимал в ее сердце слишком большое место!.. Хотя уже более трех лет они были в разводе.

Суровая жизнь отнимала у Ахматовой любимых, чуть не разлучила навеки с сыновьями, била по всем, кто когда-то входил в круг ее интересов... Действительно, складывалось впечатление, что все, к чему прикоснулась эта женщина, обречено на муки и на безвременную гибель. Возможно, что это так и обстояло на самом деле: есть люди, обреченные на то, чтобы приносить неосознанное зло окружающим! И чем ближе человек, тем горше расплата!

Но об этом юная Аня Горенко еще не знала. Она любила и была любимой! Красавец-поэт Николай Степанович Гумилев ухаживал за ней, и в конце концов они поженились. Было это в 1910 году. А через 2 года появились первые сборники стихов неизвестной публике поэтессы... Анны Ахматовой, за этим псевдонимом скрывалась Анна Андреевна Горенко — жена Н. С. Гумилева.

В 1912 ГОДУ вышел "Вечер" — книга стихов, воспевающих любовь, разлуку, печаль, утраты... Все, что сопровождает и окружает отношения двух людей в их извечном стремлении обрести друг друга в этом холодном и черством мире. Первые поэтические пробы Ахматовой нельзя причислить к неудачным, напротив, ее стихотворения получили заслуженное признание среди знатоков и читающей публики. Хотя и вышел сборник тиражом чуть более... трехсот экземпляров! Стихи ее брали нарасхват, они вызывали интерес, им начали подражать. На поэтическом небосклоне русской литературы зажглась новая, необычная, неординарная звездочка, превратившаяся впоследствии в звезду первой величины! Непревзойденный, артистичный, грассирующий Александр Вертинский вскоре многое из Ахматовой переложит на музыку. И зазвучат с эстрады и на грампластинках "Сероглазый король", "Темнеет дорога приморского сада"...

Правда, Вертинский кое-что переиначит: ведь стихи Анны Андреевны — женская лирика! И вот рождается иная версия, которую знаменитый певец будет исполнять на сотнях и тысячах своих концертов: *"Темнеет дорога приморского сада, желты до утра фонари. Я очень спокоен, но только не надо со мной говорить о любви. Я верный и нежный, мы будем друзьями... гулять, целоваться, стареть... и легкие месяцы будут над нами, как снежные звезды, лететь"*.

А вот знаменитый "Сероглазый король": *"Слава тебе, безысходная боль! Умер вчера сероглазый король. Вечер осенний был душен и ал, муж мой, вернувшись, спокойно сказал: "Знаешь, с охоты его принесли, тело у старого дуба нашли. Жаль королеву. Такой молодой! За ночь одну она стала седой". Трубку свою на камине нашел и на работу ночную ушел. Дочку мою я сейчас разбужу, в серые глазки ее погляжу. А за окном шелестят тополя: "Нет на земле твоего короля..."*. Сколько раз в зрительном зале, когда это исполнял Вертинский, появлялись не нарочитые — искренние женские слезы! Вертинский Вертинским, а ведь это стихи Ахматовой, сочиненные в ... 1910 году, в двадцатилетнем возрасте! Поражаешься неординарности видения, сложности душевного мира, образности восприятия, какой-то нечеловеческой реальности всего прочитанного! Творчество Анны Ахматовой начиналось в Петербурге, Царском Селе, продолжалось в Слепневе... Временами поэтесса возвращалась в город своей юности. Это было особое время: старый мир агонизировал, "дышал на ладан". В его недрах неотвратимо вызревали силы, которые спустя несколько лет привели к величайшей в истории человечества Революции. Вот что пишет о Петербурге накануне великих событий Алексей Толстой: "... Петербург жил холодной, пресыщенной, полуночной жизнью. Фосфорические летние ночи, сумасшедшие и сладострастные, и бессонные ночи зимой, зеленые столы и шорох золота, музыка, крутящиеся пары за окнами, бешеные тройки, цыгане, дуэли на рассвете в свисте ледяного ветра и пронзительном завывании флейт — парад войскам перед наводящим ужас взглядом византийских глаз императора... Возникали, как из воздуха, миллионные состояния. Из хрусталя и цемента строились банки, мюзик-холлы, скетинги, великолепные кабаки, где люди оглушались музыкой, отражением зеркал, полуобнаженными женщинами, светом, шампанским. Спешно открывались игорные клубы, дома свиданий, театры, кинематографы, лунные парки... В городе была эпидемия самоубийств... Все было доступно — роскошь и женщины... Люди выдумывали себе пороки и извращения, лишь бы не слыть пресными... Таков был Петербург... Замученный бессонными ночами, оглушающий тоску свою вином, золотом, надрывающими и бессильно-чувственными звуками танго... он жил в ожидании рокового и страшного дня..."

Не напоминает ли вам, уважаемый читатель, вышеприведенная цитата, скажем, Москву "лужковскую" или Питер — "собчаковский"? Как будто списано с наших, "реформаторских" дней? Мы знаем, чем закончился предреволюционный Бал Сатаны... Литературная богема тогдашнего Петербурга была представлена весьма значительными именами: Горький, Андреев, Брюсов, Северянин, Блок, Мережковский, Бальмонт, Куприн... Быть замеченным (или замеченной!) среди этих корифеев — большая честь для новичка! И Ахматова была замечена! Что является свидетельством громадного таланта молодой поэтессы!

Будем справедливы: есть Таланты и... таланты! Талант Анны Андреевны особого рода: камерный, салонный, избранный. Его не понесешь "в массы", не бросишь зажигательным лозунгом в толпу, не поднимешь, как знамя, впереди наступающих бойцов... Он уместен в стенах литературной гостиной, в узком кругу близких и друзей, на небольшой летней эстраде в тиши городского сада или приморского парка.

Поэтому и оказалась лирика Ахматовой — унесенной ветром! Как хрестоматийные герои Маргарет Митчелл, родившиеся в одном мире и умершие... в совершенно другом, многое из которого им так и не удалось понять и принять!

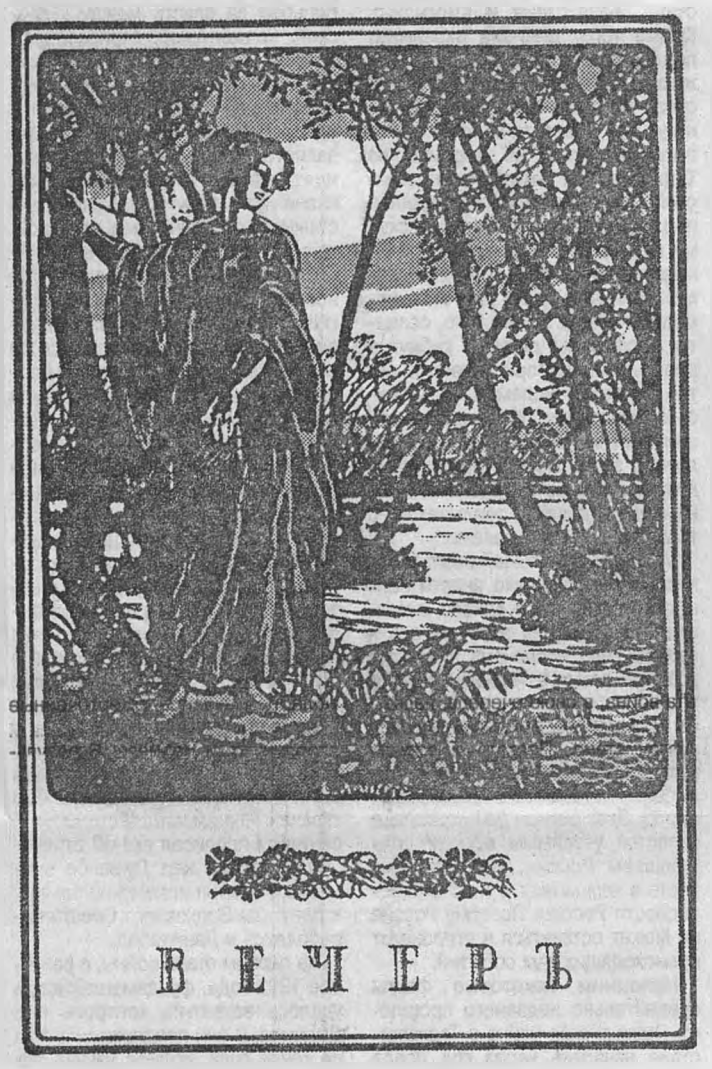
Анна Андреевна всегда писала лишь о том, что занимало ее, вызывало интерес... У нее трудно найти стихотворения на злобу дня, хотя многое она писала и под воздействием происходящего: но все это преломлялось своеобразно, по-ахматовски... Вслед за "Вечером" вышли знаменитые "Четки" (1914), "Белая стая" (1917), "Anno Domini" (1922), "Тростник" (сюда вошли стихи 1924—1940 гг.), "Седьмая книга" (стихи 1936—1964 гг.)... Многие появились уже в напечатанном виде после смерти создательницы.

САМА Ахматова не раз убеждалась, что лучшие ее стихи остались там, в юности. Не потому ли так трудно давались последующие годы, годы после Октября, что она, как и многие другие, "остались в прошлом одной ногою"? Однако Анна Андреевна испытывала гордость за то, что осталась на родной земле, делила с народом все тяготы и лишения того периода. В 1922 году она пишет: *"Не с теми я, кто бросил землю на растерзание врагам. Их грубой лести я не внемлю, им песен я своих не дам. Но вечно жалок мне изгнанник, как заключенный, как больной. Темна твоя дорога, странник, полынью пахнет хлеб чужой. А здесь, в глухом чаду пожара, остаток юности губя, мы не единого удара не отклонили от себя. И знаем, что в оценке поздней оправдан будет каждый час... Но в мире нет людей бесслезней, надменнее и проще нас"*.

Она была... немного стоиком! Столько несчастий, что выпало на ее судьбу, хватило бы на несколько жизней: она все выдержала и ни разу не склонила головы! Да и сознание того, что ее Муза задержалась в прошлом, тяготило ее не меньше, чем земные невзгоды! *"Дьявол не выдал. Мне все удалось. Вот и могущества явные знаки. Вынь из груди мое сердце и брось самой голодной собаке. Больше уже ни на что не гожусь, ни одного я не вымолвлю слова. Нет настоящего,— прошлым горжусь и задохнулась от срама такого"*.

В моем представлении она и останется той юной поэтессой, что, как бы соревнуясь с изысканнейшим и утонченнейшим Николаем Гумилевым, создавала свои пленительные строки под сенью парков Царского Села, в неуютном и фосфоресцирующем неоном Петербурге, в пахнущих медом и росой лугах бежецкого Слепнева...

Или еще, датированное мартом 1913-го. *"Звенела музыка в саду таким невыразимым горем. Свежо и остро пахли морем на блюде устрицы во льду. Он мне сказал: "Я верный друг!" И моего коснулся платья. Как не похожи на объятья прикосновенья этих рук. Так гладят кошек или птиц, так на наездниц смотрят стройных. Лишь смех в глазах его спокойных под легким золотом ресниц. А скорбных скрипок голоса поют за стелющимся дымом: "Благослови же небеса; ты первый раз одна с любимым"*.



Женская лирика? Дамские стихи? Но... самой высокой пробы! Куда там до них "русской Сапфо" — Мирре Лохвицкой или Зинаиде Гиппиус — этой "женщине-тени" с такими же заумными, полными "философатых" причуд, фразеоблудствующими виршами!

Вот еще: 1 января 1913 года. Наверняка навеянные новогодним праздником, мишурой карнавальной буффонады, особым богемным эстетством: *"Все мы бражники здесь, блудницы, как невесело вместе нам! На стенах цветы и птицы томятся по облакам. Ты куришь черную трубку, как странен дымок над ней. Я надела узкую юбку, чтоб казаться еще стройней. Навсегда забиты окошки: что там изморозь или гроза? На глаза осторожной кошки похожи твои глаза. О, как сердце мое тоскует! Не смертного ль часа жду? А та, что сейчас танцует, непременно будет в аду"*. Разумеется, барский дом, запорошенный снегом, стены, увешанные картинами и коврами, "избранное" общество, трубочный дым, звон бокалов... И щемящая тоска одиночества... среди шумной компании... Мысли, летящие туда, далеко... Настороженные глаза собеседника... Не была бы Ахматова выдающейся поэтессой, быть бы ей непревзойденной художницей! Такая точность, что невольно представляешь все происходящее... Это ли не талант, это ли не гениальность?

"Не будем пить из одного стакана ни воду мы, ни сладкое вино, не поцелуемся мы утром рано, а ввечеру не поглядим в окно. Ты дышишь солнцем, я дышу луною, но живы мы любовию одною. Со мной всегда мой верный, нежный друг, с тобой твоя веселая подруга, а мне понятен серых глаз испуг, и ты виновник моего недуга. Но кратких мы не учащаем встреч. Так наш покой нам суждено беречь. Лишь голос твой поет в моих стихах, в твоих стихах мое дыханье веет. О, есть костер, которого не смеет коснуться ни забвение, ни страх. И если б знал ты, как сейчас мне любы твои сухие, розовые губы".

Только женщина, незаурядная и талантливая, может выразить свои внутренние переживания таким изящным, почти — песенным образом!

ОБРАЗ Ахматовой всегда у меня ассоциировался с... образом чеховской Чайки. Вот и подтверждение тому, что она хотела летать, наверняка во сне летала, как булгаковская Маргарита,— над полями, реками, болотами, городами, утопающими в электрических огнях: *"Углем наметил на левом боку место, куда стрелять, чтоб выпустить птицу — мою тоску в пустынную ночь опять. Милый! не дрогнет твоя рука, и мне недолго терпеть. Вылетит птица — моя тоска, сядет на ветку и станет петь. Чтоб тот, кто спокоен в своем дому, раскрывши окно, сказал: "Голос знакомый, а слов не пойму", и опустил глаза"*.

К своим ранним поэтическим грезам она возвращалась не раз. Вот и в 1946 году она вспоминает: *"И время прочь, и пространство прочь, я все разглядела сквозь белую ночь: и нарцисс в хрустале у тебя на столе, и сигары синий дымок, и то зеркало, где, как в чистой воде, ты сейчас отразиться мог. И время прочь, и пространство прочь... Но и ты мне не можешь помочь"*. Как будто вновь ожила та юная девушка, что бродила по аллеям царскосельских парков, по петербургским улицам, ехала со станции в Слепнево в эпипаже с поднятым от солнца верхом... И перо от изысканной шляпы задело за верх экипажа! *"Перо задело за верх экипажа. Я поглядела в глаза его. Томилось сердце, не зная даже причины горя своего..."*. Между стихотворениями... 33 года! Но как они близки и похожи! Уже в 1940 году Ахматова вспоминает: *"А я росла в узорной тишине, в прохладной детской молодого века. И не был мил мне голос человека, а голос ветра был понятен мне. Я лопухи любила и крапиву, но больше всех серебряную иву. И, благодарная, она жила со мной всю жизнь, плакучими ветвями, бессонницу овеивала снами. И, странно! — я ее пережила..."*

Конечно же, колдунья с грустными глазами не могла не понимать, что поет ветер, о чем говорят травы, о чем плачет серебряная ива... У нее был странный и страшный дар — переживать своих любимых и близких... и оставаться одной... среди людей, среди бушующего мира... Иногда охватывало такое отчаяние, что вырывались и такие строки: *"Я пью за разоренный дом, за злую жизнь мою, за одиночество вдвоем и за тебя я пью,— за ложь меня предавших губ, за мертвый холод глаз, за то, что мир жесток и груб, за то, что Бог не спас"*.

ТРАГЕДИИ, потери, утраты, радости... Вихрем неслись они мимо нее, обдавая холодным, пронизывающим дыханием Вечной Пустоты! А она куталась в свою темную шаль, зажигала свечи, топила камин, молилась, глядя на портреты тех, кто ушел... Навсегда...

На ее долю и долю того поколения, к которому принадлежала Анна Ахматова, выпало три войны. Первая пронеслась мимо, почти не тронув ни поэтессу, ни ее близких своим огненным дыханием. Ушел на фронт Гумилев, заслужил два "Георгия", вернулся живым и невредимым... Но 19 июля 1914 года Анна Андреевна помнила всегда: *"Мы на сто лет состарились, и это тогда случилось в час один: короткое уже кончалось лето, дымилось тело вспаханных равнин. Вдруг запестрела тихая дорога, плач полетел, серебряно звеня... Закрыв лицо, я умоляла Бога до первой битвы умертвить меня. Из памяти, как груз отныне лишний, исчезли тени песен и страстей. Ей — опустевшей — приказал Всевышний стать страшной книгой грозовых вестей"*. Гражданская разметала по свету ее друзей и знакомых: кто погиб, кто эмигрировал, кто очутился в совсем другом краю, занесенный военными ветрами... В эти дни Ахматова пишет: *"И мы забыли навсегда, заключены в столице дикой, озера, степи, города и зори Родины великой... Иная близится пора: уж ветер смерти сердце студит, но нам священный град Петра невольным памятником будет..."* Она уцелела, остались живы и ее стихи... Восставала из руин и хорошела страна, которую она не захотела покинуть, навек осталась с ней! Она еще не знала, что впереди самая страшная война, разразившаяся в 41-м! Потом она писала по этому поводу: *"Это Лермонтов. В его годовщины всегда что-то жуткое случается..."* Она была суеверна, эта великая поэтесса, верила в совпадения, приметы, дурной глаз... Искала связи времен... Во всяком случае, ее стихотворения, появившиеся во время Великой Отечественной, разом поставили камерную поэтессу в один ряд с величайшими поэтами-трибунами! Вот "Клятва" (июль 1941 г.) *"И та, что сегодня прощается с милым,— пусть боль свою в силу она переплавит. Мы детям клянемся, клянемся могилам, что нас покорить никто не заставит!"* Блокаду она встретила в родном Ленинграде. Лишь позднее она была вывезена в Ташкент, когда все пережила — первую блокадную осень и зиму!

В Ташкенте она продолжает ленинградскую тему: *"Мы знаем, что нынче лежит на весах и что совершается ныне. Час мужества пробил на наших часах, и мужество нас не покинет. Не страшно под пулями мертвыми лечь, не горько остаться без крова,— и мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово..."*

Послевоенное творчество Ахматовой складывалось непросто. Был период, когда ее не печатали... Она занималась переводами: сербский эпос, корейские поэты-классики, румын Александру Тома, Рабиндранат Тагор, Джакомо Леопарди... Она никогда не переводила "для публики" тех, кого особенно любила, выбирая для "текучки" уважаемых, но не самых близких...

Ее поздний "ренессанс" совпал со второй половиной пятидесятых — началом шестидесятых: *"Я гашу те заветные свечи, мой окончен волшебный вечер... все уходит — мне снишься ты... Тень твоя над бессмертным брегом, голос твой из недр темноты... И по имени! Как неустанно вслух зовешь меня снова... "Анна!" Говоришь мне, как прежде,— "Ты"*. Ахматову много печатают, поговаривают о Нобелевской премии... Но... она уже чувствует: жизнь — позади: *"А как музыка зазвучала и очнулась вокруг зима, стало ясно, что у причала государыня — смерть сама"*.

Последние годы Ахматовой тесно связаны с дачным поселком Комарово, под Ленинградом, на берегу моря. Там, на деревенском кладбище, под скромным памятником и покоится ее прах... А печальные чайки все кружат и кружат над песчаными дюнами, над забытыми могилами... Вслушиваясь в их нескончаемый крик, различаешь в нем слова: "Анна! Анна!" Они зовут ее крылатую Душу с собой, в бескрайнюю синеву балтийского неба, где нет ни Жизни, ни Смерти, а есть только бесконечное ощущение полета. Лениво накатываются на берег свинцовые морские волны, шуршит под ногами листва: *"Листьям последним шуршать! Мыслям последним томиться! Я не хотела мешать тем, кто должны веселиться"*.

Владимир КРЫЛОВ.

Тверь.